

«Гулять по работам»

В отличие от Летнего сада Петергоф был не общедоступным «огородом», а закрытой резиденцией. В августе 1721 г. Петергоф вознамерился посетить голштинiec Ф. В. Берхгольц. Он приехал с приятелями через Стрельну по «очень веселой дороге... через роци и мимо многих дач,

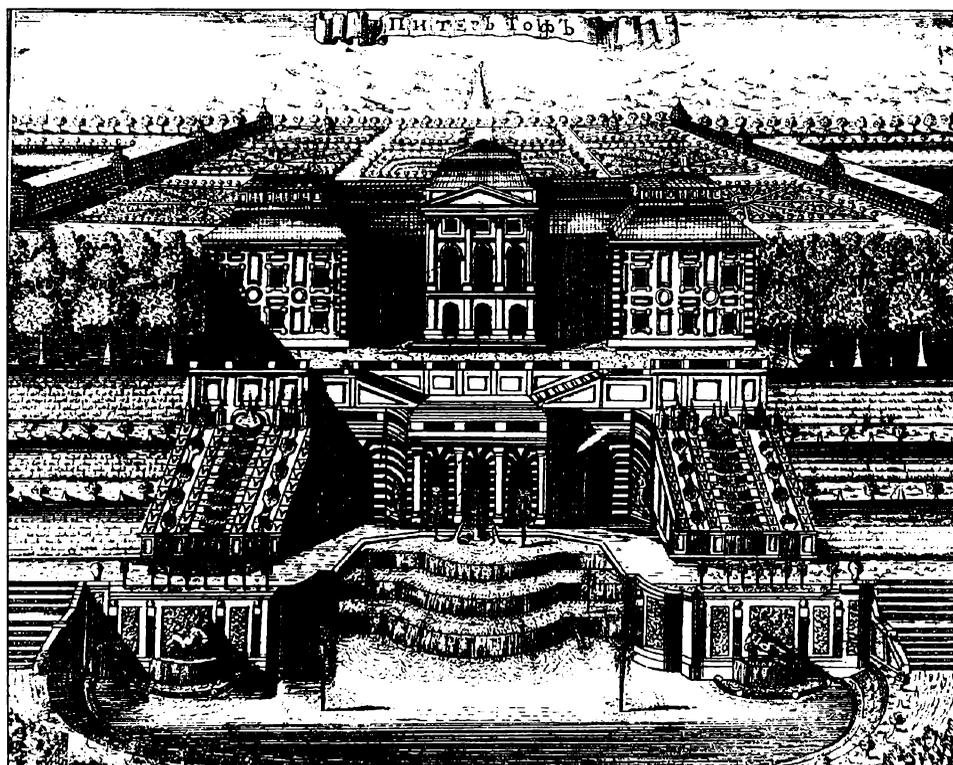
¹⁹ РГИА. Ф. 467. Оп. 2. Д. 306. Л. 186.

²⁰ Там же. Оп. 4. Д. 14. Л. 151.

²¹ Там же. Д. 818. Л. 1.

²² Там же. Д. 27. Л. 419; Оп. 2. Д. 27. Л. 134, 144; Д. 37а. Л. 126.

²³ Там же. Д. 456. Л. 613.

Вид Большого дворца в Петергофе. А. И. Ростовцев. 1717

выстроенных знатнейшими вельможами в угодность царю и делающих всю дорогу весьма приятною». Но в Петергоф попасть сразу не удалось — в это время там был государь. И лишь когда Петр ушел в Кронштадт, гости смогли осмотреть «очень небольшой, но хорошенький домик, который в особенности украшен множеством отборных голландских картин. Царь большую часть ночует в нем, когда бывает в Петергофе, здесь он совершенно в своей тарелке и поэтому справедливо дал этому месту название *Monplaisir*». Потом смотритель показал гостям обширный погреб под кухней, где хранились отборные вина для царского стола: венгерское, рейнвейн, шампанское, бургундское.

На следующий день Берхгольц побывал в Верхних палатах, особо отметил красоту и солидность Дубового кабинета работы Леблона и Пино, посмотрел на обширный Верхний сад со строившимся в конце его зверинцем, восхитился «великолепным каскадом», который тремя уступами спускался с горы и был «украшен свинцовыми и позолоченными рельефными скульптурами по зеленому полю». Ему понравились «красивые и

веселые аллеи» Нижнего парка, две самые большие из которых «ведут через рощу к двум увеселительным дворцам»: к Монплезиру с его прекрасным садом и другому дворцу («сад и дом на левой стороне Петергофа будут точно так же устроены, как Монплефир, и уже начаты...»²⁴).

Петр, живя в Петергофе, по привычке «мешал дело с бездельем». Иногда он приезжал сюда один, «был в мыльне, кушал в Момплезире», молился в церкви, ловил рыбу на заливе, гулял с кем-то в прибрежной роще, «где накошено было сено, сметали [его] в стоги». Одновременно царь принимал доклады канцлера Г. И. Головкина, вел переговоры с посланцами, давал указания морякам, но чаще, как записано в «Походном журнале», «гулял по работам».²⁵ Это значит, что вместе с архитекторами и мастерами он осматривал стройку, обсуждал детали строительства, различные технические вопросы и, уж конечно, присутствовал с гостями при испытаниях и первых пусках фонтанов, при наполнении водой каналов и прудов, что всегда было эффектным зрелищем. Современники пишут о неугомонности и подвижности царя, который «неожиданно бывает то тут, то там». Действительно, Петр мог стремительно приехать в Петергоф, провести там несколько часов, затем сесть на яхту и уплыть в Петербург, в Стрельну или пересечь залив, чтобы попасть в другую свою загородную резиденцию — Дубки. Уже в первые годы Петергоф служил прекрасным местом для прогулок, и царь с семьей или гостями наслаждался его аллеями и цветниками, часто «гулял в огороде», «по всем перспективам». Было и другое развлечение: ездить «на линиях огородных» («качалках») — маленьких колясочках, запряженных пони. Кроме того, в апреле 1723 г. Петр приказал для отдыха «сделать по мадели сто скамей деревянных столярною работою немедленно».²⁶

Как писал Ф. В. Берхгольц, царь строил возле моря еще один дворец, подобный Монплезиру. Новостройка так и называлась: «Другой Монплефир», или «Палатки у моря». (При этом Монплефир стали называть «Старый Момплефир».²⁷) Действительно, именным указом о строительстве «другого Момплезира... в скором времени» последовал в январе 1721 г., и Браунштейн начал возводить на самом берегу уютный дворец, еще не получивший названия «Эрмитаж».²⁸ 14 июня последовал указ: «Для дела фундамента под полаты нового Момплезира копать рвы и в тех рвах делать фундамент каменной и полаты».²⁹ Изюминкой нового дворца стал большой круглый стол, средняя часть которого опускалась при помощи механизма вниз, на кухню за кушаньями. Дворец построили на самом берегу моря, и вода, по-видимому, беспрепятственно поступала в него.

²⁴ Берхгольц Ф. В. Дневник камер-юнкера. М., 1902. Ч. 1. С. 93.

²⁵ Походный журнал 1724 года. С. 32.

²⁶ РГИА. Ф. 467. Оп. 2. Д. 37а. Л. 261.

²⁷ Там же. Оп. 4. Д. 27. Л. 32.

²⁸ Там же. Оп. 1. Д. 19а. Л. 297; Грабарь И. Э. Основание и застройка Петербурга. С. 156.

²⁹ РГИА. Ф. 467. Оп. 1. Д. 20. Л. 327.

В 1723 г. пришлось забить сваи по периметру сооружения и «глиной набивали от течи воды в погребе кругом», в 1729 г. берег у Эрмитажа пришлось укреплять еще и фашинами.³⁰

В 1720 г. Браунштейн взялся строить неподалеку от Эрмитажа другой дворец — «Палатки между прудов», или Марли. Это название, как и сама идея такого дворца, было заимствовано царем в поразившем его воображение Версале. Даже отправляясь в Персидский поход, Петр помнил о Марли. В июле 1722 г. из Астрахани кабинет-секретарь Петра А. В. Макаров писал Сенявину, что государь приказал «чтоб вы в Петергофе в маленьком доме, которой делаетца у малых прудов, убрали одну полатку чинаровым деревом» — видно, Петр где-то увидел чинаровые панели, и они ему понравились.³¹ В феврале 1721 г. Браунштейн жаловался на плохую работу подрядчиков-строителей, но уже в октябре 1722 г. докладывал о начавшихся отделочных работах в Марли: «О деле железных решеток в Питергоф к малым полаткам, которые между прудов».³² В 1724 г. по указу Петра в пруды напустили рыбу и предписано было «сделать колокольчик и подвесить у палат, и приучить ее звоном хлеб есть».³³ Эта традиция шла, по-видимому, еще от прудов Измайлова, в которых также рыба была приучена выплывать «на жор» по звону колокольчика. Говорили, что там водились щуки, в жабрах которых висели золотые кольца времен Ивана Грозного. Московская традиция перекочевала в Петергоф и прижилась там.